

— Бамбук? — у Юн Шэна родилось дурное чувство, и он, до этого спокойно сидевший в кресле, вскочил на ноги, будто ужаленный, а затем подошёл, чтобы осмотреть рану, и с сомнением спросил: — Господин Чэнь, действительно ли Его Высочество наследный принц был ранен бамбуком?

— Ваше Высочество, — обратился мужчина к Юн Шэну, — посмотрите на рану: в ней находятся остатки бамбука. Неудивительно, что Его Высочеству так нестерпимо больно. — Господин Чэнь раскрыл небольшую аптечку, что носил с собой, и достал маленький серебряный пинцет, чтобы извлечь остатки растения.

Юн Шэн уставился на страшную рану, силясь разглядеть следы кинжала, однако оружие было тоньше и меньше, чем бамбук, так что ни о каком колотом ранении нельзя было и говорить. Пока лекарь Чэнь осматривал рану, Юн Шэну казалось, будто здесь совершенно не должно быть никакого бамбука. Не должно!

Чан Дэфу, не отходивший от Юн Шаня эти долгие часы и массиравший его плечи, рухнул на колени.

— Ваш слуга заслуживает смерти, — заговорил он, ударяя головой о пол. — У Вашего слуги слабое зрение, и, перевязывая рану, я не вытащил кусочек бамбука. Ваш слуга заслуживает смерти!

— Поднимись на ноги, — скрипя зубами от боли, вздохнул Юн Шань. — Разве кто-то тебя укоряет в этом? Лучше помоги мне.

Чан Дэфу вздохнул с облегчением и спешно поднялся на ноги, чтобы тщательно вытереть пот со лба принца.

Господин Чэнь осторожно вытащил частичку бамбука из раны Юн Шаня. Матушка Шу, что стояла сзади и смотрела, ощутила, как спина её покрылась холодным потом. Всё-таки он её сын. Рана, потревоженная вмешательством лекаря, снова закровоточила, и от такого зрелища женщина схватилась за внезапно скрутивший живот. Её ноги в одно мгновение стали ватными, и императрица, отступив назад, развернулась и бросилась к двери. Она прислонилась к стене и пыталась прикрыть рот дрожащей ладонью, когда её стошнило на землю от ужаса. Лишь спустя несколько секунд женщина с трудом остановилась, ощутив в теле сильную слабость. Ей не приходилось видеть сына в таком состоянии, и теперь его страшная рана заставила её вдруг потерять над собой контроль. Разумеется, придворные служанки и евнухи, держа в руках тазик с горячей водой и махровые полотенца, поспешили к императрице, проникаясь сочувствием к её эмоциям. Не каждая мать сумела бы смотреть на подобную картину без какой-либо реакции.

Придя в себя, матушка Шу на слабых ногах прошла обратно в комнату, чтобы взглянуть на Юн Шаня.

К счастью, лекарь Чэнь пусть и был стар, но обладал довольно проворными руками. К моменту возвращения императрицы обратно в комнату он уже вытащил кусочек бамбука, смазал рану

лекарством и сейчас перебинтовывал ногу Юн Шаня, едва ощутимо касаясь его обнажённой кожи старческой сморщенной рукой. Закончив перевязку, лекарь поднялся на ноги и, обращаясь к Юн Шаню и матушке Шу, поклонился, докладывая:

— Его Высочество наследный принц был ранен не кинжалом, а ростком бамбука, но сейчас рана уже перебинтована. Для второго осмотра позовите лекаря Цзяня, когда Его Высочеству станет немного лучше. Сейчас же Ваш слуга отправится к императору и доложит ему о случившемся, поэтому я вынужден вас покинуть.

Юн Шэн, который до этого держался весьма самодовольно, теперь понимал, что ему придётся уйти ни с чем, а его планы рассыпались, словно карточный домик. Юн Шэн не смел больше задерживаться в покоях старшего брата и, спешно попрощавшись, вместе с придворным лекарем выскользнул прочь из дворца.

Чан Дэфу учтиво проводил их, и в комнате остались лишь Юн Шань и императрица Шу.

Наследный принц был бледен, и лицо его казалось безжизненным, словно полотно. Заметив, что матушка Шу, похоже, растерялась, хотя это было совершенно естественно, юноша улыбнулся и, приподнявшись на постели, тихо заговорил:

— Помните, однажды наложница Сяо захотела отравить отца-императора? Узнав об этом, он очень разгневался и решил предать наложницу Сяо линчи [1]. Всем детям и другим наложницам было велено смотреть на казнь. В тот день брызги крови были повсюду, все женщины были очень напуганы, и только Вы, матушка, со своей подругой наложницей Ли твёрдо стояли на ногах от начала и до конца. Так почему же сегодня, стоило Вам увидеть немного крови, Вас сразу стошнило?

Императрица с глубоким вздохом посмотрела на Юн Шаня и сказала:

— Когда у тебя появится сын, ты поймёшь, что кровь собственного ребёнка всегда будет отличаться от крови любого другого человека.

Юн Шань вдруг замер и находился в этом состоянии долгое время, а после вздохнул, будто наконец-то решаясь что-то рассказать.

— Не стоит ждать этого времени, матушка. Я уже понял разницу. — Не известно, то ли после ранения он ослаб, но его голос звучал так тихо, что его едва можно было услышать: — Матушка, я обжёл Юн Ци... раскалённым клеймом.

Императрицу бросило в дрожь. Она вдруг протянула руки, будто хотела обнять Юн Шаня, но тот резко отвернулся. Упав на мягкую постель ничком, он, словно дикий зверь, страдающий от нестерпимой боли, горько разрыдался.

В императорском дворце в скором времени появился Юн Шэн, чтобы тайно сделать донос, но в итоге придворный лекарь подтвердил, что ногу Юн Шаня повредил бамбуковый отросток, а вовсе не кинжал. Из-за этого случая Юн Шэн потерял лицо в глазах отца-императора, но не только один он — теперь и наложница Цзин трепетала от ужаса. Больше всего боясь, что Юн Шань сделает ответный выпад, она заставила Юн Шэна вынести против наследного принца абсурдные обвинения.

Всё прошло как нельзя лучше. Юн Шань лежал не шевелясь во дворце наследного принца и лечил свои раны, а отец-император не гневался. Прошло несколько дней, и император неожиданно издал указ:

«Пока наследник престола восстанавливается после ранения, государственные дела нужно решать, поэтому ими будет заниматься принц Юн Шэн — это станет ему не только наказанием, но заодно поможет юному принцу отточить политические навыки».

Подобные новости привели Юн Шэна сначала в ужас, а после заставили обрадоваться. Хоть ему и не удалось как-то навредить Юн Шаню, однако удача сошла к пятому принцу с небес. И кто бы мог подумать, что ему выпадет шанс принять участие в государственных делах!

Пока наследник престола залечивал свои раны, пятый сын Его Величества принялся за пока ещё несущественные и мелкие государственные дела, которые в будущем, как он полагал, могли приобрести некоторую серьёзность.

Слухи о том, что наследный принц стал жертвой покушения, мгновенно прекратились.

Несмотря на все старания лекарей, на следующий день у Юн Шаня открылось кровотечение. Крепкие мышцы, обретенные с годами тренировок, не спасли его от слабости, которую он получил во время сильной потери крови. На следующий день его рана снова воспалилась.

Имея с рождения гордый характер, Юн Шань переживал, что эти новости долетят до ушей отца-императора, и тогда, если начнётся расследование, неизвестно, к чему это может привести, поэтому он запретил Чан Дэфу докладывать об этом отцу. Принц лишь отправил его в покои к лекарю, чтобы евнух принёс оттуда отвар из лекарственных трав. Всё ещё показывая своё мнимое превосходство над болезнью, Юн Шань сел в кровати и, мучаясь бессонницей, принялся просматривать мелкие доклады, что были присланы ему раньше.

Это имело свои последствия: совсем скоро в горле принца пересохло, и его охватил страшный жар. Сколько бы ни выпивал воды Юн Шань, она всё равно не утоляла жажды. Через три дня ему было тяжело даже присесть на кровати.

Видя, что принцу всё хуже и хуже, Чан Дэфу не мог спокойно спать: если бы он сразу сообщил об этом лекарю, то юноша уже давно бы пошел на поправку. Но если сейчас доложить о том, что состояние здоровья наследника престола ухудшилось, эта новость определённо потрясёт отца-императора.

Императрица Шу была расстроена и страшно зла.

— Негодная дрянь! — ругала она Чан Дэфу. — Наследный принц бесценен для нашего государства, так как ты мог так халатно отнестись к его здоровью? Он уже несколько дней болен, но ты никому ничего не сказал и решил промолчать? Это он приказал тебе молчать, да? Если Юн Шань умрёт, ты будешь первым, кого казнит император!

Больной Юн Шань, спавший в это время в своей комнате, услышал ругань матушки и с трудом открыл глаза.

— Матушка, у Вашего сына лишь небольшой жар, — принялся он успокаивать её, — поверьте, через два дня мне станет лучше.

Заметив, что Юн Шань проснулся, женщина спешно опустилась перед ним на колени и мягким голосом заговорила:

— Юн Шань, тебе нельзя напрягаться. Матушка пришла, чтобы передать указ от твоего отца, в котором он в том месяце пожаловал тебе тысячулетнюю гору Ляодай. Он уже издал указ. — Протянув руку, императрица коснулась горячего, словно раскалённое железо, лба юноши. Ощувив этот жар, женщина испуганно отдернула руку и прижала к груди.

Юн Шань слабо улыбнулся и хотел что-то сказать, как вдруг у постели возникла ещё одна фигура, которая оказалась Юн Линем, то краснеющим, то бледнеющим.

— Старший брат, я... я виноват. — Юн Линь рухнул на колени перед кроватью и крепко схватил брата за руку. — Я тысячу раз виноват, десять тысяч раз виноват, я виноват в том, что мой старший брат болен. Прошу тебя, выздоравливай! Когда старший брат поправится и захочет убить меня, я повинуюсь этому желанию. — В носу зашипало, ком подкатил к горлу, и крупные слёзы тотчас же обожгли кожу Юн Линя.

Юн Шань никогда не думал, что у его младшего брата хватит смелости прийти к нему, поэтому, увидев его, принц обомлел. Он думал, что во Дворце Наказаний Юн Линь не признавал ни закона, ни велений неба [2] и обнажил кинжал, без промедления вонзив в старшего брата. Воспоминания заставили Юн Шаня прийти в ярость. Ему хотелось свирепо высвободить ладонь из рук Юн Линя, но, переведя взгляд, юноша поглядел на матушку, которая искренне-умоляюще смотрела на него. Он изумился и, слегка вздохнув, снова посмотрел на своего брата. Увидев, как он сейчас плачет, словно ребёнок, роняя крупные слёзы, Юн Шань почувствовал укол совести, и его сердце смягчилось.

Принц холодно поглядел на Юн Линя и через минуту с трудом ответил:

— На улице такой мороз, а ты на холодной земле стоишь. Если совсем себя не бережёшь, так хоть матушку пожалей: она поседеет, если ты заболеешь. Встань с колен.

Из-за того, что он ранил кинжалом Юн Шаня, Юн Линь уже несколько ночей не мог заснуть, и сейчас увидев, что его старший брат до сих пор болен, его душа взвыла, и юноша ещё сильнее залился слезами, не в силах себя остановить. Всё, что сказал ему Юн Шань, Юн Линь не расслышал, он лишь продолжал сжимать руку старшего брата и рыдал. Тогда матушка Шу взяла его и потянула вверх, поднимая сына с земли.

— Ну чего ты плачешь? — заговорила она. — Старший брат на тебя уже не злится. Он сейчас болеет, прошу тебя, не шуми здесь.

Послушав матушку Шу, Юн Линь задумался, поднеся рукав к мокрому лицу, покорно прикрыл рот.

Вскоре сварился суп из женьшеня, который через несколько минут подали Его Высочеству. Наложница Шу, подозревая, что у служанки неумелые неловкие руки, присела на край кровати и поднесла пиалу к лицу сына, чтобы лично покормить его, но Юн Линь, который искал удобного случая, чтобы искупить свою вину, спешно подбежал к Юн Шаню и с осторожностью помог ему приподняться, позволяя старшему брату опереться на своё плечо.

Неизвестно, действительно ли указ о подарке, что принесла матушка Шу, был лучше, чем женьшень, который обычно использовали во дворце, но Юн Шань приоткрыл губы и отпил горячую жидкость, ощущая, как жизненная энергия наполняет каждую клеточку его тела. Бросив взгляд перед собой и за спину, Юн Шань понял, что на самом деле в огромном дворце он был связан плотью и кровью лишь с этими двумя самыми близкими и родными людьми. И хотя эти двое такие разные, но тем не менее, в этой жизни Юн Шаню придётся вместе с ними делить поровну славу и почёт.

Юн Шань всегда был холодным и свирепым, как хищная птица, однако сейчас, когда он болел и вёл себя, как во сне, он был более нежен и проявлял ту мягкость, что таилась в нем на самом деле. Тепло взглянув на мать, Юн Шань тихо прошептал:

— Матушка, не переживайте так, я с детства изучал боевые искусства, и моё тело достаточно сильное и выносливое. В тот день я Юн Линя пнул ногой, он с трудом выпрямился, но я боялся, что, возможно, я повредил его внутренности, поэтому хочу найти кого-то, кто мог бы осмотреть его.

— Меня уже осмотрели. Я сильный, и два дня назад синяк у меня уже рассосался. — Юн Линь, осторожно придерживая сзади Юн Шаня, добавил: — Тем более, я это заслужил. Матушка сказала, что старший брат должен ещё раз меня ударить, чтобы мы были квиты.

От этих слов наложница Шу уставилась на него и с укором заговорила:

— У тебя ещё хватает совести говорить такое? Если бы твой старший брат тебя не защитил, сидел бы ты сейчас здесь и веселился бы?

Чем больше эти трое разговаривали, тем лучше ощущали, что угнетающее их душу чувство рассеивается.

Наложница Шу переживала, что для Юн Шаня сидеть и говорить очень тяжело, потому вместе с Юн Линем они помогли юноше вернуться в объятия постели, и только потом продолжили свой разговор. Они разговаривали, упомянув даже Юн Шэна, который сейчас начал заниматься мелкими делами государства и который каждый раз делал вид, будто идёт на встречу с самим императором.

На все эти рассказы Юн Шань отвечал со смехом:

— Всё правильно. Не работая, можно скрыть свои недостатки, а работая, непременно раскроется собственная глупость. У него очень мало опыта, да и сам он совершенно не разбирается в жизни. Он не понимает, что если не уладить эти мелкие дела, то вскоре несомненно могут последовать неприятности.

Узнав, что из раны Юн Шаня был извлечён кусочек бамбука, Юн Линь расстроился и пробормотал тихо:

— Если бы Юн Шэн не отправился к отцу-императору и не донёс бы, то рана старшего брата не стала бы такой серьёзной.

Однако у матушки Шу на уме были явно другие мысли и, обращаясь к Юн Шаню, она озвучила их, словно советуясь со своим ребёнком:

— Пока наследник престола залечивает раны, другие принцы должны помочь ему разобраться с делами государства, это является общепринятым порядком. Однако почему этим помощником обязательно должен быть Юн Шэн? Ничего же не случится, если поставить на эту должность Юн Линя, который является братом-близнецом наследника престола, и он, кроме того, третий сын императора, старше Юн Шэна и опытнее, разве не так? Так почему бы не издать указ, в котором объявят Юн Линя твоим помощником?

— У Юн Линя дурной нрав, поэтому ему лучше не брать на себя ответственность за управление государственными делами. — И Юн Шань, задумавшись, добавил: — После того, как моя рана затянется, я собираюсь его взять с собой, чтобы он освоил некоторые навыки. Иначе он может навлечь несчастье, и будет трудно приводить всё в порядок.

На лице матушки Шу появилось облегчение:

— Если ты его защитишь, только тогда я буду спокойна.

— Матушка, не беспокойтесь. Он мой родной брат, неужели я обижу его? Если ему чего-то не хватает или он чего-нибудь захочет, пусть придёт ко мне и скажет об этом.

Всё детство Юн Линь и Юн Шань были вместе, и фактически кому, как не Юн Линю, знать характер своего старшего брата? Когда Юн Шань злился, Юн Линь всегда был рядом и ни за что не покидал своего брата. Присутствие младшего успокаивало Юн Шаня, и его гнев тотчас же рассеивался, поэтому в такие моменты Юн Шань относился к младшему брату с большим трепетом.

Слушая слова Юн Шаня, Юн Линь понимал, что его старший брат действительно на него не злится. Этот факт его очень сильно обрадовал и, сидя за спиной Юн Шаня, он с довольным видом состроил рожицу матушке Шу, на что та лишь рассмеялась:

— Теперь ты хочешь подлизаться к нему! Ему многие дарят подарки, если он только попросит об этом, так в чем же он может нуждаться? Он даже не знает, о чём тебя попросить.

— Это не так, — поспешно отозвался Юн Линь и добавил: — У меня сейчас как раз есть одно желание, и я хочу попросить старшего брата выполнить его.

— И что же это за желание?

— Я хочу, чтобы старший брат оказал милость и пощадил старшего брата Юн Ци.

Услышав эти слова, Юн Шань резко изменился в лице.

Также, как и Юн Шань, матушка Шу тоже не думала, что Юн Линь может ляпнуть такую глупость. Лицо женщины тотчас же помрачнело.

В покоях наследного принца воцарилась тишина.

— Юн Линь... — через какое-то время тихим голосом прошептал Юн Шань, — что ты сейчас сказал?

Примечание:

[1] Линчи — казнь «тысячи порезов».

[2] «Не признавать ни закона, ни велений неба» — беспредел, безобразие, беззаконие в высшей степени.

<http://bllate.org/book/13372/1189551>